

СЕКЦИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ РЕЛИГИИ»

ПОСТСЕКУЛЯРНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ И ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО ВЫБОРА

*Е. А. Степанова
(Екатеринбург, Россия)*

Одной из важнейших черт современного общества является его плюралистический характер. Плюрализму модерности способствует массовая миграция, урбанизация, повышение уровня образования и всеобщее проникновение новых коммуникационных технологий. Религия также находится под серьезным воздействием плюрализма как на институциональном, так и на индивидуальном уровне, когда религиозные институты утрачивают монопольный характер и оказываются в ситуации рынка, а люди больше не воспринимают принадлежность к религии как должное, и она становится предметом выбора. В современном мире плюрализм есть почва, на которой с одинаковым правом сосуществует сколь угодно много религиозных (и нерелигиозных) убеждений, каждое из которых уверено в собственной истинности, но ни одно из них не имеет достаточной убедительности за пределами своего собственного мировоззренческого поля.

Согласно классическим теориям секуляризации, популярным в 60–70-е гг. XX в., предполагалось, что плюрализм вероисповеданий ослабляет авторитет религии. Она становится предметом критической оценки и сравнения, что фундаментально изменяет ее природу. По словам английского социолога С. Брюса, одного из апологетов теории секуляризации, «когда оракул говорит одним ясным голосом, легко поверить, что это голос Божий. Когда он говорит двадцатью разными голосами, хочется увидеть, что находится за сценой»¹. Американский социолог Питер Бергер, еще один влиятельный защитник теории секуляризации, в 1967 г. в книге «Священная завеса» (*Sacred Canopy*) говорил о «кризисе правдоподобия» в религии, когда содержание религии становится относительным и не до конца достоверным. Достоверность теперь должна быть почерпнута из субъективного сознания, поскольку ее уже нельзя заимствовать из внешнего мира. По мере ослабления «каркаса убедительности» религии увеличивается роль сознательных усилий индивида для поддержания ее значимости и преодоления сомнений. «В ходе дальнейшего разрушения каркаса убедительности прежнее содержание вероучения может

¹ Bruce, S. *God is Dead. Secularization in the West*. Oxford, Blackwell, 2002. — P. 18.

сохраняться в сознании только в виде “мнений” или “чувств” <...> Это влечет за собой изменение “места” этого содержания в сознании. Оно, можно сказать, “отфильтровывается вверх”, перемещаясь с уровней сознания, содержащих базовые “истины”, с которыми не станет спорить ни один человек “в здравом уме”, на уровни, где хранятся различные “субъективные” взгляды — взгляды, по поводу которых разумные люди вполне могут расходиться во мнениях, и в которых сам их носитель не до конца уверен»².

Ситуация плюрализма увеличивает число конкурирующих между собой каркасов убедительности и тем самым лишает религию статуса объективной, само собой разумеющейся реальности для сознания. Точнее, эта «реальность» становится «частным» делом человека, источником которой оказывается не трансцендентная истина, а индивидуальное человеческое существование. Религия уже не обосновывает устройство мира. «Скорее, различные религиозные группы пытаются различными средствами сохранить свои частные универсумы перед лицом множества конкурирующих универсумов»³.

Сегодня, когда присутствие религии в глобальном мировом сообществе и ее влияние на социально-политическую ситуацию в мире является очевидным фактом, все более популярным становится определение современного этапа развития человечества как «постсекулярного», а основные положения теории секуляризации большинством исследователей, в т. ч. П. Бергером, признаны ошибочными. Тем не менее в анализе влияния ситуации плюрализма на религиозные убеждения людей П. Бергер остался на прежних позициях. Ситуация выбора, отмечает он, принуждает индивидов к определению их мировоззренческих предпочтений, которые могут быть как религиозными, так и светскими, и оказывает влияние как на либеральные, так и на консервативные и фундаменталистские религиозные направления: «Даже если человек, провозглашающий принадлежность к весьма консервативной версии той или иной религиозной традиции, принужден это делать, он должен помнить об этом и быть хотя бы подсознательно уверен в возможности изменить это решение в будущем. Иными словами, существует огромная разница между традицией, воспринимаемой как должное, и неотрадиционализмом, который является предметом выбора. Последний, по очевидным психологическим причинам, будет менее мягким и толерантным. Религиозные решения могут быть страстной приверженностью <...> или тривиальным выбором без эмоциональных проявлений. Каждый тип, в принципе, взаимозаменяем»⁴.

² Бергер, П. Религия и проблема убедительности. Неприкосновенный запас, 2003, № 6(32) // URL : <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/berger.html>.

³ Там же.

⁴ Berger, P., Davie, G., Fokas, E. Religious America, Secular Europe? A Theme and Variations. Ashgate, 2009. — P. 14.

П. Бергер полагает, что религиозный плюрализм оказывает важное воздействие на субъективное переживание религии, поскольку она перестает восприниматься как нечто само собой разумеющееся, как это было на протяжении длительного периода времени. «Плюрализм разрушает такой тип гомогенности. Индивиды постоянно сталкиваются с другими, которые не воспринимают как должное то, что было принято в сообществе. Теперь они должны *размышлять* о когнитивных и нормативных принципах своей традиции и, соответственно, они должны *делать выбор*. Религия, которая является результатом выбора, независимо от уровня интеллектуальной сложности, отличается от религии, которая воспринимается как должное. Она не обязательно должна быть менее страстной, и ее доктринальные установки не обязательно изменяются <...> Это делает религию одновременно более личностной и более уязвимой»⁵.

Итак, плюрализм модерности неизбежным образом порождает все большую индивидуализацию, а та, в свою очередь, все в большей степени выдвигает на первый план различия между людьми, а их игнорирование несет в себе серьезную опасность для общества. При этом, как полагают многие исследователи, религиозный выбор не только не ослабляет, но, наоборот, усиливает роль религии в обществе. По мнению американской исследовательницы Н. Аммерман, люди, которые выбирают религию или смешивают разные традиции, несколько не менее религиозны, чем те, кто придерживается единственной традиции, поэтому идея о том, что плюрализм ослабляет религию и ее влияние, подвергается сомнению. Люди сегодня сами конструируют свою социальную реальность из имеющихся культурных элементов, и ни одна сфера жизни, в т. ч. религия, не отделена от всех прочих. «Такой “бриколаж” или “гибрид” может разочаровывать некоторые религиозные традиции и действительно ослабляет авторитет некоторых из них, но это не значит, что он с *необходимостью* ослабляет присутствие и влияние религии и духовных факторов в жизни индивидов в обществе в целом»⁶. Термин «бриколаж» (*bricolage*) применительно к описанию современной религиозной ситуации был предложен французской исследовательницей Д. Эрве-Леже⁷. Американский ученый Р. Уатнау для описания аналогичного явления использует понятие «лоскутная религия» (*patchwork religion*)⁸.

⁵ Berger, P. *Pluralism, Protestantization, and the Voluntary Principle*. In : *Democracy and the New Religious Pluralism* (T. Banchoff, ed.) Oxford University Press, 2007. — P. 23.

⁶ Ammerman, N. *Observing Modern Religious Lives*. In : *Everyday Religion : Observing Modern Religious Lives* (N. Ammerman, ed). Oxford University Press, 2007. — P. 8.

⁷ See : Hervieu-Leger, D. *Religion as a Chain of Memory*. Cambridge, 2000.

⁸ See : Wuthnow, R. *America and the Challenges of Religious Diversity*. Princeton: Princeton University Press, 2005.

Сегодня в размышлениях о религии речь идет не просто об ее индивидуализации, но о «массовом субъективном повороте» в культуре модерности или о возникновении новых форм духовности, использующих новый язык. Современность характеризуется противоречием между отвержением традиционной религии в пользу индивидуализма и плюрализма и приверженностью традиции в виде фундаментализма. Однако есть и средний путь — это поиск новых форм самореализации, в котором причудливо переплетаются вера и неверие. По мнению канадского философа Ч. Тейлора, утрачена не религиозная мотивация, а доверие к традиционной вере и практикам. Это свидетельствует о неизменной потребности в вере и о наступлении эры новых религиозных исканий. Тейлор полагает, что религиозные ответы на вопрос о смысле жизни по-прежнему актуальны и востребованы, а современному западному обществу свойственен не отказ от религиозной веры и практики (как полагают сторонники теории секуляризации) и не возврат к традиционной религиозности (как полагают фундаменталисты), но существование множества старых, новых и промежуточных форм веры и неверия в неустойчивом или переходном виде: «Новые структуры действительно подрывают старые формы (веры — Е. С.), но при этом оставляют возможность для расцвета новых»⁹.

Рассматривая «субъективный поворот» применительно к современному состоянию религиозности в западных странах, английские исследователи П. Хилас и Л. Вудхед пишут: «"Поворот" — это обозначение важнейшего культурного сдвига, который все мы ощущаем. Это поворот от жизни, проживаемой во внешних и "объективных" ролях, задачах и обязанностях, к жизни в связи с собственным субъективным опытом (относительным и индивидуалистичным) <...> Теперь целью становится не соответствие внешнему авторитету, но " мужество стать своим собственным авторитетом" »¹⁰.

Следует отметить, что некоторые исследователи не склонны преувеличивать роль религиозного плюрализма в выборе религиозных предпочтений. Так, П. Норрис и Р. Инглхарт полагают, что между религиозным плюрализмом и участием людей в религиозной жизни нет прямой связи. Такую связь можно обнаружить лишь в некотором ограниченном количестве социальных контекстов, тогда как в странах «третьего мира» и в отдельных посткоммунистических эта связь отсутствует. Наиболее очевидным примером того, как религиозный плюрализм воздействует на религиозную практику, являются США. Однако такие страны, как Пакистан, Индонезия, Алжир, Сальвадор, Пуэрто-Рико, Бангладеш, Египет, Нигерия, Уганда, Бразилия и Колумбия демонстрируют гораздо более высокий уровень

⁹ Taylor, Ch. A Secular Age. Harvard University Press, 2007. — P. 432.

¹⁰ Heelas, P., Woodhead, L. The Spiritual Revolution. Why Religion is giving way to spirituality. Oxford, Blackwell, 2005. — P. 4.

религиозности — около 99 % населения принадлежат к одной доминирующей религии¹¹. В некоторых странах, например в Нигерии, существует плюрализм религий, однако остальные являются гомогенными в религиозном отношении. Их общей чертой является бедность. Таким образом, уровень религиозности в США может считаться высоким только в сравнении с другими постиндустриальными странами¹².

В последнее время вопрос о роли и месте религии в нынешнем и будущем развитии постсоветских стран стал предметом оживленной общественной дискуссии. В первую очередь это связано с тем, что проблемы, так или иначе относящиеся к религии, все чаще задевают интересы значительного количества людей, а сама религия стала важной частью их повседневной жизни. Не будет преувеличением утверждать, что еще двадцать лет назад никто, включая представителей так называемых «традиционных» конфессий, не предполагал, что место религии в обществе изменится столь радикальным образом. Религия в том виде, в каком она существует сегодня, — это новый фактор общественного развития, и уровень страстности обсуждения связанных с этим проблем говорит о том, что в этой сфере пока не сформировалась необходимая степень теоретической отстраненности.

Тем не менее можно утверждать следующее: в постсоветских странах религиозная вера *объективно* является одной из возможностей среди прочих традиционных, нетрадиционных, нерелигиозных или атеистических альтернатив, и в этом смысле Россия ничем не отличается от мира модерности и постмодерности, в котором, по словам Ч. Тейлора, произошло изменение, «переносящее нас из общества, в котором неверие было практически немислимо, в общество, в котором вера даже самого непоколебимого верующего является одной из человеческих возможностей среди прочих <...> Вера в Бога больше не является аксиоматической. Существуют альтернативы»¹³.

Таким обществом являются и постсоветские страны. Защитники традиционных религий существуют рядом с людьми, которые ищут ответ на предельные вопросы бытия за пределами традиционной институциональной религиозности. Как те, так и другие в действительности не принуждены к выбору веры или неверия какими-либо внешними обстоятельствами, и даже выбор религии, имеющей символический статус «традиционной», осуществляется каждым человеком индивидуально. В конечном счете каждый ищет в религии свой собственный смысл и выбирает разные способы религиозной идентичности: от культурно-этнических, приобщающих к освященной веками системе ценно-

¹¹ Norris, P., Inglehart, R. Sacred and Secular. Religion and Politics Worldwide. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2004. — P. 218.

¹² Ibid. — P. 230.

¹³ Taylor, Ch. A Secular Age. — P. 3.

стей, до субъективных, удовлетворяющих личностные потребности в определении своего места в социальном пространстве. Сам факт этого поиска предопределен тем, что в современном мире невозможно оградить себя от влияния бесконечного количества вариантов ответов на предельные жизненные вопросы, которые доступны каждому человеку. При этом индивидуализация веры, безусловно, не является неким общеобязательным направлением развития современного общества, но представляет собой лишь тенденцию, проявляющуюся в самых разнообразных формах. Не менее разнообразным остается спектр институциональных религий, которые с большей или меньшей степенью успешности пытаются найти свое место в стремительно изменяющемся обществе.

В исследовании современной религиозной ситуации необходимо избегать крайности, т. е., с одной стороны, утверждать, что институциональная религия умирает, а с другой, что религию можно изучать только на примере индивидуального стремления к смыслу. На самом деле, и институции способны создавать смыслы, и индивиды — импровизировать по поводу религиозных альтернатив. Главное заключается в том, что сегодня и новые, и традиционные виды религиозности сосуществуют в общем плюралистическом пространстве, которое по своей природе делает бессмысленным какое-либо принуждение в выборе религиозных предпочтений. А это означает, что религиозная вера все в большей степени становится делом личности, а не институции.

РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА ПОСТМОДЕРНА

Е. В. Кузьмина
(Казань, Россия)

В истории развития европейского сознания принято выделять три эпохи, три проекта описания социальной реальности: преמודерн, модерн и постמודерн. Первая ступень — преמודерн — термин, часто использующийся синонимично понятию традиционное, доиндустриальное общество. Его хронологические истоки — в IV–V вв., в периоде Вселенских соборов, когда и закладывались догматические основания христианства. Да, следует оговориться: классическая схема деления общества на три исторические стадии — порождение цивилизации Запада, следовательно, и религиозную картину подразумевается рассматривать в рамках иудео-христианской западной традиции. В мировоззрении преמודерна доминирует идея теоцентризма и Провидения, концепта истины не как результата поиска научного познания, а как Откровения свыше, ибо все сущее мыслится производным от Бога.